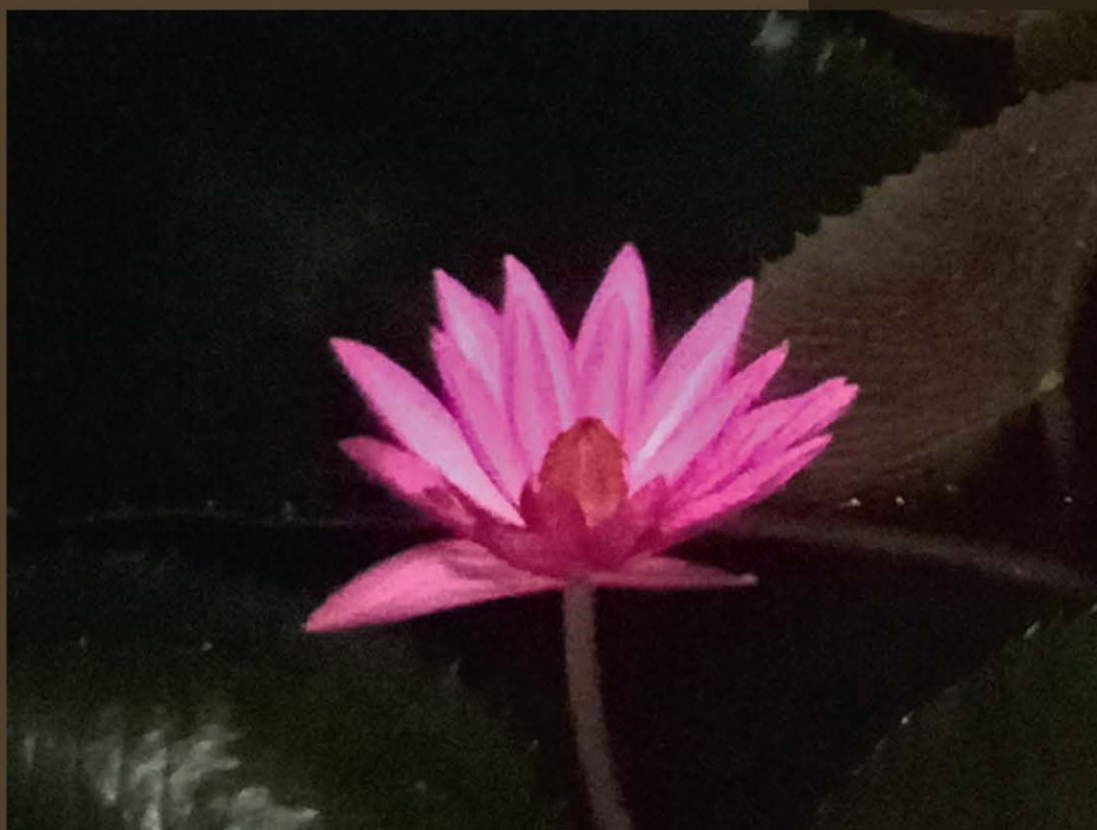

Современная
психотерапия

Джин Шинода Болен

У последней черты

Смертельно опасная болезнь
как путешествие души

COGITO
CENT
NT

Современная психотерапия (Когито-Центр)

Джин Шинода Болен

**У последней черты.
Смертельно опасная болезнь
как путешествие души**

«Когито-Центр»

1997, 2007

УДК 159.9
ББК 88

Болен Д.

У последней черты. Смертельно опасная болезнь как путешествие души / Д. Болен — «Когито-Центр», 1997, 2007 — (Современная психотерапия (Когито-Центр))

ISBN 978-5-89353-486-3

Книга Дж. Ш. Болен является мудрым наставником для людей, чьи жизни изменились из-за смертельно опасной болезни. Серьезная болезнь — это кризис не только для тела, но и для души. Иногда потенциальная угроза смерти, за которой следует восстановление здоровья, служит своеобразным сигналом к пробуждению и поворотным пунктом. Иногда душа выздоравливает, даже если тело не излечивается. Автор ненавязчиво, с опорой на свой опыт, многочисленные примеры и античные мифы показывает, что наша реакция на непредвиденные критические обстоятельства определяет, кто мы есть на самом деле, и приоткрывает завесу относительно смысла нашей конкретной жизни. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-89353-486-3

© Болен Д., 1997, 2007
© Когито-Центр, 1997, 2007

Содержание

Благодарности и признательность	6
Предисловие к дополненному изданию	7
Введение	9
1	11
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

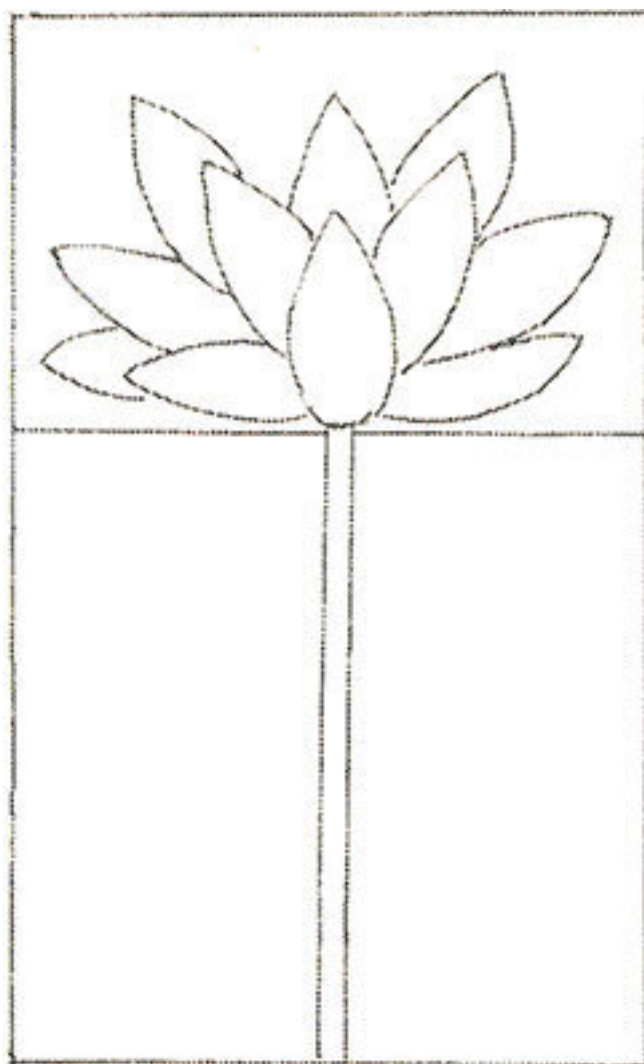
Джин Шинода Болен

У последней черты. Смертельно опасная болезнь как путешествие души

© Jean Shinoda Bolen, M. D., 1997, 2007

© Когито-Центр, 2017

* * *

Лотос – символ растущей души, ибо на пути вверх он проходит сквозь грязные воды, а, поднявшись над ними, расцветает. Его вдохновенный путь отражает восточная поговорка: «Из грязи вырастает лотос». Цветение лотоса олицетворяет собой путешествие души, в которое отправляются те, кого трудный диагноз погружает в глубокие воды, но затем становится поворотным пунктом в их духовном и физическом исцелении.

Благодарности и признательность

Джен Эдриан, создательнице проекта и последние шестнадцать лет активной участнице конференций на тему «Исцеляющие путешествия: рак как поворотный пункт», которые помогали больным раком справляться с болезнью. Ее убежденность в том, что мой способ передачи мифов о нисхождении души в подземный мир для раковых пациентов наполнен особым смыслом, стал поводом, который позволил ей пригласить меня для выступлений на этих конференциях. Данная работа впоследствии вдохновила меня на создание книги «У последней черты».

Анжелике Териот, основавшей больницу «Пленетри Хоспитал Модел» в 1985 году после того, как ее личный опыт двухлетней госпитализации едва не закончился трагически. Она пригласила меня, чтобы начать разговор о родственных душевных связях, которые формируются у пациентов с больничными сестрами, той частью медперсонала, которому, по ее мнению, отведена особая роль в процессе исцеления. Сегодня, двадцать лет спустя, существует уже пятьдесят пять пациент-центрированных больниц модели «Пленетри».

Уильяму Стьюарту, усилиями которого Институт здоровья и исцеления в Медицинском центре тихоокеанской Калифорнии приобрел национальный статус, а также Барбаре Сент Эндриус, автору этой идеи. Я благодарю Институт здоровья и исцеления за честь быть удостоенной награды Пионера в искусстве и науке исцеления.

Лоренсу Лешану за работу «Рак как поворотный пункт», а также Кэрил Хиршберг и Марку Яну Барашу за их «Удивительное путешествие», две книги, которые вселяют надежду и возвращают глубинное видение в вопросе исцеления от рака даже тогда, когда все этому будто бы противится. Обе эти книги я постоянно цитирую.

Целителям, учителям, исследователям, а также коллегам-авторам и друзьям, отдающим свои сердца и души тому, что они делают: Джин Ахтенберг, Грейс Деймон, Ларри Досси, Стивену Ливайну, Дуайту Макки, Кандис Перт, О. Карлу Симонтоу, а также Рейчел Наоми Ремен.

Всем упомянутым и непоименованным мною людям, чьи личные истории и борьба стали содержанием книги «У последней черты», особенно Патрисии Эллерд Диметриос, Антее Франсине, моему сыну Эндрю Болену, а также моим родителям Джозефу Шиноде и Мегуми И. Шиноде.

Лею Хаберу и Сьюзен Молдоу, сотрудникам издательства «Скрибнер», где эта книга была подготовлена к печати; Катинке Мэтсон, моему литературному агенту; Яну Джонсону, издателю «Конари Пресс», подарившему ей вторую жизнь.

Предисловие к дополненному изданию

В течение десяти лет, за которые «У последней черты» издается и переиздается, книга во многом стала объектом устного пересказа. Я слышала, что она производит сильное эмоциональное впечатление, что она очень помогла одним людям, а другим даже спасла жизнь. Я получала отзывы от самых разных людей: от тех, чья жизнь оказалась под угрозой из-за тяжелой болезни, и от тех, кто с помощью этой книги сумел превозмочь другие переломные моменты в личной жизни. Очень немногое за это время утратило актуальность, ибо вряд ли перспектива оказаться в критической ситуации когда-либо сможет устареть. Такой диагноз, как рак, или тот факт, что однажды после внезапного сердечного приступа мы можем прийти в сознание уже в палате интенсивной терапии, или переживание любого другого подобного потрясения ставит ребром вопрос о конечности нашей жизни. Большинство из нас не задумываются над важнейшими вопросами о смысле жизни, о краткости отведенного нам времени до непосредственного соприкосновения со смертью. Большинство из нас не видят связи между телесными недугами и стремлением души к подлинным потребностям, к любви и настоящим целям или даже не знают, что сознание оказывает важнейшее влияние на процесс исцеления. Большинство из нас уверены, что решающее слово в вопросе о том, сколько времени нам остается, принадлежит врачу. Но многие станут думать иначе, если встретятся с теми, кому однажды на оставшуюся жизнь были отведены месяцы, а они продолжают жить в радости уже многие годы. Профессиональные медицинские издания интересуются исключительно статистическими данными, они не публикуют истории, которые свидетельствуют о том, как болезнь отступает в результате спонтанной ремиссии или неожиданного выздоровления. Но именно такие истории способны изменить представление человека, а наши представления воздействуют на нас на клеточном уровне.

И если нам удастся принять реальность своей души всерьез, нам откроется совершенно иной мир. Ведь если у нас есть душа, а убежденность в том, что у человека действительно есть душа, относится к числу врожденных, тогда всех нас правильнее будет называть *духовные существа на человеческом пути*, а не человеческие существа, которые могут встать или не встать на духовный путь. Если подобное утверждение справедливо, тогда чему мы должны научиться или что нам важно понять в этом мире? Зачем мы здесь? Кого или что нам важно полюбить? Ответы на все эти вопросы у каждого человека могут быть только свои. Эти знания коренятся в нашей сути, «в костном мозге». Смертельно опасная болезнь способна прозвучать сигналом, пробуждающим нас ото сна. Она может стать поворотным пунктом или исходным моментом для начала спиралевидного нисхождения. Подобное же воздействие оказывает на нас и кризис середины жизни. В каждом отдельном случае исход болезни будет зависеть от того, насколько осознанно мы действуем, насколько мы внимательны к тому, что для нас по-настоящему важно, или насколько наше поведение соответствует тем знаниям, которые могут спасти нашу жизнь, наши отношения и исцелить душу. Отсутствие связи со своей душой делает невозможным существование человека в подлинности, в творчестве, в независимости и в осмысленности; и чем привычнее мы выражаем свою духовную изоляцию и эмоциональную боль посредством физических симптомов, тем с большей вероятностью мы можем заболеть.

Успехи современной науки не могут не радовать, но вместе с тем они порождают хаос в вопросах души. Еще десять лет назад СПИД был неизлечимой болезнью. Сегодня для его лечения существуют лекарства, и болезнь можно перевести в хроническое течение подобно тому, как протекают, например, сердечно-легочные болезни или диабет. До открытия антибиотиков многие инфекционные болезни заканчивались летальным исходом, а человек, которому удавалось побороть инфекцию, как правило, переживал кризис, после которого температура спадала, и к нему возвращалась жизнь. Достижения современной медицины способны продлить

жизнь тем привилегированным пациентам, которым они доступны. Но вместе с тем эти успехи усугубляют отношение к жизни как к безусловной реальности, будто бы не требующей ответа на вопрос «Зачем мы здесь?»

В обновленном издании к оригинальному тексту я добавила четыре дополнения, а также различного рода уточнения. Название главы «Предвестник правды» я заменила на «Путь Психеи», уделив в мифе об Эросе и Психее больше внимания исполнению четырех задач и, соответственно, сложностям, которые возникают в связи с постановкой опасного для жизни диагноза. Поскольку надежда и желание жить находят поддержку в историях о том, что именно помогало людям, которые побороли неутешительный прогноз, добившись ремиссии или придя к выздоровлению, я расширила главу «Порой нам просто нужна история» за счет дополнительных фактических сведений и личного материала. В «Душевных связях» появилась новая часть о круге со священным центром, который является сосудом, дарующим исцеление и способствующим развитию души даже за пределами нашей жизни. В последней главе, названной мною «Раздумья», я делюсь с читателями своими мыслями о том, как наше представление о непрерывности души, которое, вероятно, присутствует в нас изначально, находит отражение в сновидениях умирающих людей. Я рассказываю о событиях того времени, когда умирал мой сын, и о том, как он был услышан мною и после своей смерти. Я убеждена, что именно вера в то, что смерть – это не конец, но опыт нуминозного, что благоговейный страх, который мы испытываем в минуты, когда невидимая и божественная реальность вдруг открывается нам, собственно и является тем, что отличает людей от всех других существ на земле. В новом издании я изменила также подзаголовок «Смертельно опасные болезни и поиск смысла» на «Смертельно опасные болезни как путешествие души». Он кажется мне более точным.

День выхода в печать скрибнеровского издания «У последней черты» был назначен на 2 октября 1996 года. Я считаю дату издания книги, день, когда она официально выходит в свет, днем ее рождения. С этой минуты для книги начинается собственная жизнь. Когда я узнала, что по католическому календарю 2 октября – День Ангела-хранителя, я почувствовала в этом проявление синхронии. Мне вспомнились когда-то услышанные слова: молясь о человеке, мы посылаем ему ангелов. А поскольку все мои усилия направлены на то, чтобы помогать и исцелять, поскольку я хочу, чтобы вы меньше боялись, и намерена вдохновить вас на то, чтобы вы доверились вашей внутренней мудрости и хранили верность тем знаниям, которые живут в вашем «костном мозге», эта книга выходит с молитвой. И мне очень интересно, означает ли это, что вслед за нею отправятся и ангелы?

Джин Шинода Болен

Милл Вэлли, Калифорния, сентябрь 2006 года

Введение

Китайская пиктограмма, обозначающая кризис, состоит из двух идеограмм: «опасность» и «возможность». Любой серьезный диагноз, особенно несущий угрозу для жизни, ввергает человека в глубокий кризис, ибо он сотрясает основы всех имевшихся до этого представлений. Кризис такого рода никогда не ограничивается человеком, который заболел, как и не является уделом одного только тела. Во время смятения и перехода опрокидываются все жизненные устои. Когда смерть и инвалидность подбираются вплотную, тогда воистину наступает время опасностей и возможностей, которые поднимают вопросы о смысле жизни, подвергают испытанию все имеющиеся отношения. Болезнь, которая угрожает жизни, – это еще и кризис души.

Эта книга явилась результатом серии лекций и семинаров, посвященных болезни, которая является нисхождением души в подземный мир, а также исцелению как результату этого спуска. Центральная мысль о том, что болезнь есть опыт души, вдохновила нас на проведение серии конференций для женщин, преодолевающих рак, под названием «Исцеляющие путешествия: рак как поворотный пункт». Важным стимулом для нас стала также новаторская книга Лоренса Лешана, заголовок которой мы воспроизвели во второй части названия конференции. Слова «рак как поворотный пункт» стали личной перспективой и для устроительниц конференций: троим из четырех женщин-организаторов был поставлен диагноз «рак груди» и назначено лечение.

Я сопровождала близких, друзей, а также пациентов через болезни и госпитализации, и для меня это время тоже было нисхождением в подземный мир. Местность в целом до боли знакомая, хотя вход туда со стороны физической болезни не был мне тогда известен столь же хорошо, как те психологические проблемы, которые приводят ищущих душу людей ко мне на юнгианский анализ.

Не так важно, является ли угрожающая жизни болезнь психологическим или физическим недугом, если сопутствующая ей депрессия коренным образом изменяет восприятие жизни, оказывая такое сильное воздействие на мысли и поступки людей, что они нередко отказываются и от себя, и от всякого будущего. Недостаточно лечить депрессию исключительно медицинскими методами или же уделять внимание только физическим проявлениям и симптомам, когда первостепенным вопросом жизни и смерти является отказ от жизни, потеря хоть какого-то смысла жить сейчас или в будущем.

Мне не сложно увидеть параллели между психическими и физическими болезнями, которые несут в себе угрозу жизни, и я прошла через оба этих мира. Прежде чем стать психиатром и даже сейчас, будучи аналитиком, я в каком-то смысле все еще остаюсь терапевтом. Учеба в медицинской школе и прохождение ординатуры в крупной больнице округа стали для меня инициацией, а не только образовательным опытом. Быть доктором для тела или психики – значит находиться на перекрестке между обычной жизнью и той, которая следует вслед за ней. Приход болезни, несущей в себе угрозу жизни или меняющей привычное существование человека, знаменует собой окончание некоего этапа жизни или даже самой жизни. Врач, лечащий тело или психику, становится свидетелем и участником этого перехода.

Серьезная болезнь вызывает эффект камня, ударившегося о спокойную поверхность озера и пославшего во все стороны волны возмущения, растекающиеся из единого центра круга чувств, мыслей и реакций. Она радикально меняет взаимоотношения, она глубоко волнует окружающих людей, она потенциально приближает того, кто заболел, и тех, кто рядом, «к последней черте», к истокам души. Всякий раз, когда заболевает наш разум или тело, перед нами возникают также и вопросы души, связанные со смыслом жизни. Выздоровление и исцеление зависят от отношений и связей с собственной душой и духовной жизнью в такой же или даже в большей степени, чем от медицинской или психиатрической компетентности персонала.

У меня было много возможностей убедиться в том, что угрожающая жизни или прогрессирующая, калечащая болезнь вызывает душевное потрясение у каждого, кто попадает в ее орбиту, поскольку она предоставляет нам возможность прикоснуться к интимному и интуитивному знанию о том, зачем мы здесь и кто мы есть на самом деле. Именно этот опыт, а также фундаментальные архетипические представления, идущие от мифологии, легли в основу этой книги.

Я надеюсь, что эта книга станет для вас верным спутником в период трудностей или душевного упадка. Возможно, она придет к вам как проявление синхронии, чтобы подтвердить то, что вы уже интуитивно знаете, и чтобы поддержать вас в том, что вы должны сделать во имя собственного исцеления. Мне представляется, что отдельные главы или отрывки из книги можно читать вслух. Я надеюсь, что книга поможет вам обсудить важные вопросы с другими людьми, а также позволит начать откровенный внутренний диалог с самим собой.

1

У последней черты: болезнь и душа

В шумных палатах и в переполненных приемных районных больниц и клиник, в тихих покоях частных центров или в уютных холлах ожидания, в смотровых и в кабинетах врача – везде, где есть пациенты, присутствуют и долгие минуты молчания, паузы, которые сменяют вздохи, неподвижность переходного времени, когда в воздухе отсутствует легкость. И тогда взоры больных и тех, кто пришел вместе с ними, обращаются вовнутрь. Одни уходят в себя, как в убежище, пока другие общаются, а кто-то уже настолько далеко, что не возвращается даже тогда, когда врач говорит ему что-то важное. Временами тот же молчаливый взгляд я замечала у врачей и медсестер. Иногда находящиеся в комнате все вместе неожиданно погружались в глубокое молчание. Когда подобное случалось в Древней Греции, люди говорили: «Гермес вошел».

Гермес был посланником богов и проводником душ в подземный мир; сновидения и предсказания тоже были в его ведении. Когда такая тишина возникает сегодня, кто-то, прервав молчание, говорит: «Ангел пролетел». С древнейших времен и до наших дней легкое, едва уловимое и необъяснимое изменение в воздухе люди объясняют присутствием незримых крыльев посланников вечного мира. В такие мгновения наша личина, или выражение лица, с которым мы обычно смотрим на мир, спадает, разум освобождается от дел и обязанностей, и тогда мы соединяемся с душой.

Болезнь и душа

С первого же мига, когда обозначилась реальность или вероятность серьезной болезни, в нас пробуждается душа. Этой временной точкой могут стать данные рентгенограммы или более точных сканеров, или то, что было обнаружено в образцах, отправленных на лабораторное исследование, или острая боль, которая заявила о болезни потерей сознания или внезапным кровотечением, или же выявление на снимке подозрительной опухоли или замутненного участка, или неудачная попытка суицида, или случайное увечье. Всякий раз, пересекая границу между здоровьем и болезнью, мы попадаем в область души. Болезнь – это в равной мере и потрясение для души, и пробуждение души не только у самого пациента, но и у тех, кому он дорог. С приходом болезни мы теряем невинность, познаем свою уязвимость, мы уже не те, кем были до нее, и прежними никогда больше не будем. Мы попадаем в незнакомую местность, которая не отмечена на карте, и в ней нет пути назад. Болезнь – глубочайшее событие для души, и все же этот факт, как правило, игнорируется и остается без детального анализа. Более того, кажется, что все внимание отдано только той части тела, которую поразила болезнь, которая пострадала, угасает или выходит из-под контроля.

Больница очень похожа на автомастерскую. И там и здесь работает штат специалистов, которые проводят диагностику, починку и замену тех частей физического тела (человека или автомобиля), которые еще можно заменить, чтобы *тело* продолжало выполнять свои функции. Врач ожидает, что пациент и все, кто сопровождают его в этом кризисе, будут покорными его воле и не станут мешать намеченным им мероприятиям в отношении больного тела. Беспокойные пациенты (или беспокоящиеся о них близкие люди) задают вопросы, хотят понять, что с ними происходит и почему врач назначил именно такое, а не какое-то другое лечение. Они досаждают врачу просьбами и не реагируют должным образом на его указания. Медицинское учреждение – это пространство, где взаимодействие протекает в рамках определенной иерархии, согласно которой врач – лицо авторитетное. Из этого следует, что он и его команда берут

на себя всю ответственность за выбранные ими меры лечения. Хороший пациент, как хороший солдат, – тот, кто не задает вопросов, не спорит и просто подчиняется приказам. Все это особенно относится к тем случаям, когда диагнозом является рак, хотя это тоже типично и для многих других ситуаций, ведь мероприятия и процедуры, назначенные врачом, по стилю напоминают стратегию военного генерала: болезнь – это враг, с которым нужно бороться, а тело человека – это поле битвы.

На грани жизни и смерти

Когда с телом что-то не так, мы хотим, чтобы все неполадки были как можно скорее устранены. Когда в теле развиваются разрушительные процессы, мы хотим, чтобы болезнь поскорее закончилась. Мы обращаемся к врачам, идем в больницу в надежде, что там о нашем теле позаботятся. Однако болезнь, которая несет в себе угрозу жизни, вызывает именно к душе, подключая нас к духовным ресурсам, и она может стать инициацией как для самого пациента, так и для любого другого, причастного к тайне, скрывающей в себе вероятность смертельного исхода. Когда мы живем на грани – между жизнью и смертью – мы попадаем в область *лиминального* пространства и времени. Слово «лиминальный» в латинском языке означает «пороговый». Это не совсем обычное слово. Его смысл можно понять, если обратиться к личному опыту читателя и к коллективной памяти человечества, доступ к которой есть у каждого из нас. Всякий раз, когда с нами происходит то, что изменит нас навсегда, что повлияет на отношение к нам других людей, например, женитьба или замужество, призыв в армию или предопределение судьбы выбором врача, когда мы переживаем трудный период жизни, мы обретаем опыт, который называется лиминальным. Всякий раз, когда мы проходим инициацию и обретаем знание того, чего мы еще не знали на телесном уровне, например, получаем первый сексуальный опыт или опыт беременности, мы переступаем некий порог. Здесь мистическое, духовное или психическое осознание того, что происходит с нами, так или иначе определяет важность данного переживания как опыта души. То же происходит и в случае угрожающей жизни болезни, которая коренится и развивается в теле, но тем не менее сильнейшим образом воздействует и на нашу душу.

Болезнь, особенно та, которая допускает вероятность смерти, заставляет нас остро воспринимать, насколько ценна жизнь вообще и наша жизнь в частности. Она меняет наши приоритеты. Мы можем теперь правдиво воспринимать, *что* значимо, *кто* значим, и как мы обращались со своими жизнями, равно как и то, на что нам нужно решиться теперь, когда мы знаем, что с нами не все в порядке. Значимые отношения тоже подвергаются проверке, и, проходя через испытание, они или укрепляются, или утрачиваются. Боль и страх пробуждают желание преклонить колени и молиться. Проверке подвергаются наши духовные и религиозные убеждения, равно как и отсутствие таковых. Болезнь – суровое испытание и для тела, и для души, а также время для возможного исцеления того и/или другого.

Когда-то давно, или так мне только кажется, угрожающие жизни болезни, которыми заболели молодые люди, считались трагической неожиданностью. В ту пору терминальные болезни, как правило, ассоциировались с хроническими заболеваниями преклонного возраста. Сегодня возможности диагностики и биопсии позволяют выявлять смертельно опасные болезни еще на ранней стадии, однако их лечение проводится крайне агрессивными методами. Современное инвазивное лечение само по себе – это уже угроза здоровью и жизни человека. В нынешнем мире для многих людей середина жизни таит в себе вероятность смерти или инвалидности. Это касается не только рака, но и других болезней, поражающих тело и психику людей, находящихся в самом расцвете сил. Бывают периоды в середине жизни, которые напоминают поле военных действий, когда вокруг нас, как подкошенные, умирают люди. Тем из нас, чья профессия связана с помощью людям, известны точные данные этих внушительных

потерь. Болезнь, способная подвести черту под нашей жизнью, кардинально изменить ее, находится очень близко от нас. Она может угрожать нашим мужьям, возлюбленным, нашим сыновьям или дочерям, родителям, друзьям и нам самим.

Быть пассивным, послушным пациентом, предоставлять себя в качестве арены, на которой силами профессиональных медиков развернется сражение, сегодня просто нельзя. Этот подход вообще неприемлем для той небольшой группы людей, которые привыкли задавать вопросы авторитетным фигурам, которые признают ценность альтернативных подходов и понимают, что наше тело и психика взаимосвязаны. И вовсе не важно, являемся ли мы сами пациентами или теми, кто их любит и чувствует за них ответственность; мы не можем не понимать, что от нашего выбора, от нашего доверия или недоверия зависит чья-то жизнь или смерть. Действовать из страха или в соответствии с личными убеждениями, поступать в согласии с интуицией или пренебрегать ею, исходить из собственных представлений о правильном, даже если наше мнение способно огорчить других, – все это жизненно важные вопросы, которые становятся еще более значимыми перед лицом смертельной опасности. Исцеление зависит от того, какое решение мы с вами примем. Более того, если сражение за медицинский путь исцеления проиграно, врачи обыкновенно покидают поле битвы, избегая контактов с пациентом, который напоминает им об их поражении.

Болезнь как психологическое испытание

Все те страдания, которые связаны как с осознанием себя пациентом, так и с самой физической болезнью, – труднейшее испытание, способное трансформировать душу человека. Большая часть душевных терзаний обычно связана с психологическим стрессом. Когда после рядового обследования неожиданно возникает реальность тяжелой болезни или же вдруг появляются симптомы, требующие неотложной госпитализации, на нас наваливаются различные страхи и мы чувствуем себя незащищенными. Мы опасаемся, напрасно или справедливо, что больше никогда уже не будем теми здоровыми людьми, какими были раньше. Близкий круг пациента тоже может попасть под влияние этих страхов, или же страх может захватить родных и близких больного, но не самого пациента.

Мысли гораздо сильнее зависят от того, как мы воспринимаем происходящее с нами или с кем-то из близких и бесконечно дорогих нам людей, чем от объективной информации. При внешне одинаковых обстоятельствах люди, в зависимости от их индивидуальной психологической структуры, стремятся жить либо в настоящем, либо в будущем, каким они его себе представляют. Когда предварительно поставленный диагноз, о подтверждении которого мы узнаем лишь после биопсии или ряда других исследований, несет в себе значительные перемены, то человек, живущий в настоящем, с легкостью избавляется от вероятной и пугающей реальности: на помощь приходит привычное отношение «не буди лиха». С другой стороны, человек, ориентированный на будущее, может заранее представить себе, что он уже умер и похоронен, прежде чем что-то из этих вероятных событий произойдет на самом деле, особенно если он чувствует сильную тревогу или осознает опасность болезни и масштаб проблемы. Стресс может быть чем-то виртуальным для одного и «зашкаливать» для другого. Мучительная боль, ограничения, слабость или рвота, многочисленные трудности, которые несет в себе болезнь, для одних могут стать не только *всем*, что составляет его настоящее, но и заполнить собой будущее, в то время как другими пациентами со сходной симптоматикой будут восприниматься как трудный, но преходящий период. Когда боль не отпускает или навязчивые негативные мысли переполняют сознание, остается крошечное пространство, отведенное под заботы о душе.

Проблески души

Чтобы услышать душу, надо успокоить ум, и тогда наши мысли и чувства начнут пробуждаться, как бы поднимаясь вверх со дна глубокого колодца. Все наши глубокие размышления и эмоции остаются, как правило, неразделенными. Но если все же мы решаемся ими поделиться, то на мгновение в нас пробуждается душа. В этот миг мы действительно чувствуем, что делимся тем глубинным, во что погружает нас болезнь. А вдруг мы умрем, думаем мы, и чего тогда будет стоить наша жизнь? Перед лицом смерти о чем из того, что не успели сделать, мы будем сожалеть? На что еще нам нужно время? В чем все-таки наше предназначение? Что значат для нас люди, которые нас окружают? Есть ли Бог? Есть ли что-то после жизни? Что из незавершенного тяготит нас? Какие затаенные мысли или воспоминания возвращаются к нам? О чем говорят нам наши сны?

Когда мы произносим вслух то, что нас беспокоит, когда мы заявляем об этом, мы открываем пласты своей души. В такие моменты мы как бы обнажаемся. Но слишком часто, когда мы говорим о том, что нас тревожит, первым порывом тех, кто это слышит, бывает желание накрыть сказанное нами тонкой вуалью поспешных ободряющих слов, и тогда мы уходим в себя. Тем, кто плавает в более мелких водах, становится неуютно, когда открывается пространство для души и всего того, что ее волнует. Люди, страдающие зависимостью от работы или алкоголя, скользящие по поверхности бытия, стараются избегать тем, которые толкают нас на поиск души. Они чуждаются собственной глубины и не задаются вопросами, которые мы перечислили.

Порой мы будто глядим внутрь себя, ощущая, как наше глубинное поднимается все выше и выше. Оно может открыться в виде мысли, воспоминания, эмоции, интуитивной догадки, мудрости, и тогда кто-то рядом говорит: «О чем призадумались?» И мы смущенно отступаем. Вдруг однажды мы произносим вслух то, что нас волнует, и это приносит неожиданную радость, как будто мы встретили родственную душу. Друг, с которым можно говорить по душам, – это святилище, убежище; это человек, которому мы можем сказать правду о том, что чувствуем, знаем или воспринимаем. Когда что-то говорится от души, то не для того, чтобы кто-то это подтверждал, отрицал, или принимал на свой счет; сказанное и прочувствованное должно быть воспринято, услышано, принято, поддержано по аналогии с тем, как это происходит в материнской утробе, где наши прозрения о себе и о том, чем дорожим, могут быть выношены, выращены и доведены до полного осознания.

Подобные мгновения покоя, когда наши взоры обращаются внутрь, напоминают тишину беременности, время, когда мы испытываем единение с нашими глубинными мыслями, образами и чувствами, которые, однако, могут быть столь переменчивыми; настроение меняется, и то, что еще минуту назад было в центре внимания, способно исчезнуть, как испаряются фрагменты сна.

Главное, что я хочу сказать, состоит в том, что болезнь способна привести к пробуждению души и что мир души сродни снам и мечтаниям, он является источником личностных смыслов и мудрости, способных трансформировать нашу жизнь и принести исцеление. Говоря это, я, конечно, вовсе не утверждаю, что болезнь надо приветствовать. Те, для кого болезнь стала путешествием души, только впоследствии смогли воздать ей должное. И тем не менее увидеть в болезни перспективу для души – значит наделить ее потенциалом духовного путешествия.

Выздоровление души может совпасть с восстановлением телесного здоровья, но последнего может и не произойти; человек, возможно, исцелит душу, но тело может и не справиться с болезнью. В конце концов, наша жизнь конечна. Вопрос не в том, умрем ли мы вообще, а в том, когда и как мы умрем. Болезнь выводит нас из русла привычной жизни, из повседневных забот. Она ставит нас перед необходимостью решать главные задачи, подключает к духовному

знанию, способному трансформировать и нас самих, и нашу ситуацию. И в этом нас поддерживают молитвы и ритуалы, они помогают сосредоточиться на душе, соединяют с духовными энергиями.

Глядя на мир из пространства своей души, мы можем ясно видеть то, что для нас по-настоящему важно, узнавать правду о себе и своей жизни. Мы знаем, что все мы, скорее всего, духовные создания на человеческом пути, а не просто человеческие существа, которые могут встать на путь души, а могут и не встать. На уровне души мы узнаем о священном и вечном. На уровне души болезнь, даже смертельная, является потенциальным началом, лиминальным временем, когда мы пребываем между обыденным миром и миром невидимым.

Вопросы о душе

Я считаю, что вопросы о душе, которые ставит перед нами любая болезнь, равно как и всякая индивидуальная жизнь, всегда одни и те же: *Зачем мы здесь? Что в этом мире нам надо совершить? Чему мы должны научиться? Что и кого полюбить?* Все эти вопросы имеют отношение к сути того, кто мы такие. Я полагаю, что болезнь способна расширить наше сознание, являясь своего рода сигналом, пробуждающим нас ото сна, что болезнь включает в себя нисхождение к собственным глубинам и столкновение с тем, что нас пугает. Я видела, как болезнь воскрешает поспешно похороненную любовь и раскрывает силу характера, и я уверена, что болезнь несет в себе потенциал для роста души. Или не несет. Я знаю, что личные истории, а также мифы, сновидения и мистический опыт могут стать еще более яркими во время болезни и что знания, проистекающие из этих источников, интегрируют душу в обычную жизнь, а это наполняет смыслом как жизнь, так и смерть.

У последней черты

Впервые я поняла, что болезнь является переживанием не только тела, но и души, когда мне было около тридцати. Я только-только приступила к психиатрической практике, но вынуждена была взять полугодовой отпуск, чтобы отправиться в дом к своим родителям, куда моего отца перевезли из больницы умирать. Отец проиграл свою долгую и героическую битву с раком, рак поборол его тело, но и после того, как медицина не смогла предложить ему никаких, даже поддерживающих процедур, воля к жизни помогла ему продержаться еще несколько месяцев. И вот он умер, а я смотрела в его широко открытые глаза, в его лицо, которое светилось радостью. Я убеждена, что он видел что-то недоступное моему зрению, а я доверяю своему восприятию и с глубокой признательностью отношусь к этому дару. Какое-то мгновение назад отец был еще здесь, а в следующее его уже не было. Осталось одно опустошенное тело, которое уже покинула душа. Тело было теплым, и какие-то клетки, возможно, еще продолжали работать секунды спустя, но ни его самого, ни его души больше не было в этом теле. Его страдания завершились, а тело, которое продолжало лежать, напоминало оставленную по забывчивости одежду, изношенную и истрепанную, очень знакомую, но больше непригодную для человека, который когда-то ее носил. Выражение отцовского лица говорило о том, что там, куда в момент смерти устремился его взор, есть нечто прекрасное. Что-то подобное происходило и до этого, в период, когда ему пришлось долго-долго умирать. Увиденное осталось со мной как знание о том, что на этом этапе жизни происходит что-то чрезвычайно важное. Из-за трудностей с дыханием отец не мог подолгу говорить, и потому в те последние месяцы именно внутренний мир стал его прибежищем. Вполне вероятно, что он ушел после того, как пробыл здесь ровно столько, сколько ему самому было нужно, чтобы доделать все, что он считал важным на пороге между этим миром и следующим. Умиравшие люди проводят свои дни так же, как новорожденные: они подолгу спят и видят сны, позволяя родным и близким делать все, что нужно, по

уходу за ними. Сны, мечтания, моменты ясного сознания, а также разговоры не только облегчают переход, но и служат лекарством для души. За годы, прошедшие с того времени, мой сын, моя мать и близкие друзья пережили кризисы, связанные с болезнями и хирургическими вмешательствами. Я поняла, что, когда ребенок подвергается серьезной хирургической операции, его мать, как никто другой из близких людей, чувствует не только уязвимость своего ребенка, но и собственную незащищенность. Это же произошло и на пороге взросления моего сына, когда ему выпало испытание, в котором были все признаки инициации в мужской мир, и этот опыт, бесспорно, стал для него путешествием души. Возможно, эта духовная перспектива, которой я поделилась с сыном, помогла ему пережить выпавшие на его долю страдания.

Когда моя восьмидесятипятилетняя мать тяжело заболела и ей не хватало сил, чтобы жить дальше, нам обеим показалось, что пришло начало конца, но вдруг ей стало лучше, затем она поправилась и еще в течение трех лет вела вполне самостоятельную жизнь, как личную, так и профессиональную. Полагаю, что сделанное и сказанное мной оказалось решающим в том, куда качнулись весы, но именно она сама на уровне души приняла решение жить, и потому телесное здоровье вернулось к ней.

Медицинские и хирургические кризисы, через которые прошли мои ближайшие подруги, сказались и на мне – в той мере, в какой на нас способны повлиять лишь наши ровесники, те, кого мы любим и благодаря кому понимаем, какой короткой может быть и наша собственная жизнь.

Всякий, кто приходит ко мне на анализ или за консультацией, приносит заботы и тревоги, касающиеся самой сути существования. Накопленный обширный опыт убеждает меня в том, что на протяжении человеческой жизни невозможно хотя бы однажды не столкнуться с прямой или косвенной угрозой потенциальной инвалидности или смертельной болезни: что-то из этого ряда обязательно случается с нами и с теми, кто нас окружает. Независимо от того, являемся ли мы сами пациентами или лишь свидетелями того, как болезнь входит в круг близких нам людей, нас это глубоко трогает. Болезнь, которая угрожает жизни, направляет самих пациентов, тех, кто их любит, и тех, кто их лечит, в царство души.

Серьезные болезни, как правило, застают нас врасплох. Скачок от здоровья к болезни может быть настолько резким и стремительным, что мы столбенеет, теряем дар речи, ощутив бездну, в которую мы попали. Слова, сказанные людьми, которым эта территория знакома, могут послужить нам ориентиром; образы и метафоры, отражающие то, что я знаю, могут стать началом внутренней рефлексии или основой диалога души с душой другого человека. Внезапно или постепенно, но любая серьезная болезнь обязательно ведет к потере иллюзий, что приближает нас к сущностным вопросам, которыми мы задаемся, возможно, впервые в жизни.

Опуститься вследствие серьезной болезни к самым глубинам, очутиться лицом к лицу со смертью, осознать свою неспособность контролировать происходящее – значит приблизиться к пониманию сути того, кто мы как уникальные индивидуумы и как человеческие существа. Подобно тому, как на рентгеновских снимках лучше всего видны именно кости – самые крепкие, незыблемые части тела, так и несчастье обнажает в нас вечное, а, значит, несокрушимое – свойства нашей души.

2

Когда почва уплывает из-под ног

Когда есть «до» и «после», когда случается событие, означающее конец привычного бытия, каким нередко становится медицинский диагноз, наступившая перемена по силе воздействия напоминает природную катастрофу, землетрясение в масштабе личности, от которого почва уходит из-под ног. До постановки диагноза, до операции, до несчастного случая, до осознания того, что с нами что-то нехорошо, мы живем в невинности или отрицании. И вдруг резко все меняется, и мы понимаем, что ничто и никогда больше не будет прежним.

В таком состоянии нам нетрудно ощутить себя Персефоной¹, героиней греческой мифологии. Девушка гуляла по лугу, собирала цветы, как вдруг перед ней разверзлась земля, и из возникшего разлома, из самой глубины и тьмы на черной колеснице, запряженной вороными конями, появляется Гадес, хозяин Подземного Мира, готовый похитить и увезти ее с собой. Он хватает Персефону, прижимает к себе, а она все кричит и кричит от страха, но кони уже несутся по кругу. И вот уже и вороные, и колесница, несущая Гадеса и объятую ужасом Персефону, исчезают во мраке бездны, откуда они пришли, и земля над ними смыкается, словно ничего и не было.

Встреча с Гадесом: утрата и опыт уязвимости

Всего один миг отделяет Персефону, мысли которой заняты исключительно сбором прекрасных цветов для букета, над которой синее небо и теплое солнце, которая полна ощущениями, что жизнь хороша, от Персефоны, которая оказалась в подземном мире, где все не так, как было еще мгновение назад. Невинность и безопасность девушки грубо нарушены, она беспомощна, она во власти сил, о которых прежде и не знала. Этот миф применим к любому человеку. Персефона – это невинная часть мужчин и женщин, молодых и пожилых, с которыми однажды встречается Гадес, – преступник, насильник, кровосмеситель. Он грабит, предает, совершает вероломные, не укладывающиеся в сознании, шокирующие поступки, сообщая нам таким образом о нашей эмоциональной и физической уязвимости. Можно сказать, что Гадес – это то символическое событие, которое открывает нам специфическое знание о добре и зле. До прихода Гадеса мы чувствуем себя защищенными, после встречи с ним мы знаем о своей уязвимости. Когда лабораторный анализ оказывается положительным и биопсия выявляет рак или же мы вдруг узнаем о болезни, которая каким-то иным способом угрожает нашей жизни, эффект оказывается тем же самым: наша Персефона, олицетворение безопасности и иммунитета к болезням и смерти, подверглась насилию и попала в подземное царство.

Для многих из нас поэтическая метафора, которая отражает наши чувства, является средством, с помощью которого мы выражаем воспринимаемые нами события и постигаем значение личного опыта. *Болезнь как нисхождение в подземный мир* – это метафора, которая сообщает интуитивному уму и знающему сердцу о той глубине, которую сознание не в состоянии осмыслить никаким иным способом. Но на этом же языке говорит и наша душа.

Подземный мир страха

Когда перед нами возникает реальность серьезного заболевания, когда мы сами или тот, кто нам дорог, попадаем в больницу, чтобы пройти обследование для постановки диагноза или лечения, то в метафорическом смысле мы попадаем в подземный мир. Это – подсозна-

тельный или бессознательный мир, где нас атакуют страхи, которые мы по обыкновению прячем и с которыми стараемся не соприкасаться, в этом мире мы не защищены. Нас преследует страх смерти, боли, ампутации, зависимости, обезображивания, деменции и депрессии. Нас пугает вероятность оказаться тяжело больным или изувеченным человеком, перед нами открывается реальность потери отношений, работы, собственной мужественности или женственности, отказа от прежних намерений и мечтаний. Мы боимся, что станем обузой в материальном или каком-то ином плане, мы боимся за наших детей и за тех, кто зависит от нас, мы боимся, что больше никогда не будем самими собою. Все эти страхи нередко усугубляются тем, как за нами ухаживают или как мы на эти действия реагируем. Наш прежний опыт детской беспомощности и нынешние переживания тревоги сливаются воедино. Возникает реальная опасность утопить то лучшее, что в нас есть, в выгребных ямах жалости к себе или увязнуть в навязчивом повторении одного и того же вопроса: «Почему я?».

Больных или потенциально больных людей, особенно женщин, нередко низводят в ранг беспомощных детей. Врачи и близкие зачастую начинают говорить о нас в нашем присутствии так, как будто нас тут нет. Или, если мы суетимся, нас называют трудными пациентами. И всех вокруг занимают исключительно вопросы медицины, а не психики. Послание, которое мы получаем, становясь пациентами, может звучать так: «Держите свои страхи в себе, а окружающие должны видеть ваше приятное лицо», или «Надо быть хорошей девочкой», или «Надо вести себя, как подобает мужчине и делать то, что советует врач». Злиться запрещено. А задавать вопросы иерархам вообще бессмысленно. Мы попадаем в подземный мир своих страхов, но говорить о них нам не полагается. Если мы злимся или жалеем себя, если в нас неожиданно проступают эмоции или если мы хотим внимания к своим чувствам от врачей или медсестер, нас воспринимают как проблему. Внимание к эмоциональному состоянию пациента требует времени, а когда все время забирает обход палат и осмотр больных, то пациент или его родственник, которым надо уделить внимание, дать заверения или разъяснения относительно лечебного плана, часто воспринимаются как слишком требовательные или даже нуждающиеся в психиатрической консультации.

Подземный мир депрессии

Подземельем для нас может оказаться состояние ума, напоминающее мир Гадеса, в котором похищенная Персефона – лишь узница и заключенная. Это тусклый мир теней умерших, узнаваемых, но не овеществленных; это мир бескровных созданий, похожих на голограммы или на бесчувственные воспоминания. Это мир депрессии, в котором мы отрезаны от собственных чувств, в который нас может привести наша болезнь или усилия, направляемые на подавление всех чувств и страхов. В депрессии мы действуем так, словно мы – объекты, неодушевленные, покорные и согласные на все. Серьезный диагноз и необходимость немедленно последовать медицинскому совету и предписаниям врача приглашает нас к диссоциации, к разлуке с чувствами. Депрессия и диссоциация дают схожие результаты. И вот оторванный от собственных эмоций человек изображает хорошего пациента, поступающего в больницу так, словно он направляется в телесно-ремонтную мастерскую.

Подземный мир души

Подземный мир – это и мир души, область внутренних богатств. Это царство Плутона (латинское имя Гадеса), подземелье, полное богатств или сокровищ. Это также и психологический слой, который содержит еще не раскрытые возможности. В нем наши таланты и наклонности, которые когда-то были так важны для нас, эмоции, которые мы сначала упрятали подальше, а после и вовсе утратили с ними связь. Минуя личностный слой, мы попада-

даем в сокровищницу архетипического, или символического уровня, в слой коллективного бессознательного, который содержит различные паттерны, инстинкты – все, что присуще человеку как таковому. Природой в них заложены глубокие смыслы, они являются нам в сновидениях, раскрываются в нашем творчестве. Именно здесь истоки нашей души, обитель духовного инстинкта, ведущего нас в наших поисках божественного тем же бессознательным путем, каким цветок поворачивается лицом к солнцу. Здесь начинается психологический путь в направлении к целостности и смыслу. Здесь, в архетипическом мире, смерть и возрождение суть метафоры, и реальность физической смерти, столь сильно пугающей наше Эго, уравновешивается снами, имеющими совсем иную перспективу.

Размышление над символами, над важными темами, над значением сновидений, которые мы записали и запомнили, приводит нас в мир души. Сюда нас приводит реализованная нами потребность играть, петь или слушать музыку, заниматься танцами, живописью или рисунком. Здесь мы оказываемся, когда выражаем свои чувства, когда делаем записи в дневнике, когда слагаем стихи, когда воплощаем желание молчать или говорить по душам, а также когда молимся и медитируем. Когда врата в мир души нам знакомы, попасть туда не трудно.

Для многих людей, однако, внутренний мир души – иноземное государство. Например, экстраверт, гордящийся своей практичностью и логикой, рачительные помощники, пекущиеся о потребностях других людей, люди, «живущие» работой, для которых продуктивность является мерилем их собственной ценности, – все они редко делают попытки войти во внутренний мир. Ресурсы внутреннего мира, к которым мы можем подключаться, чтобы подлечить свое тело и душу, важно изучать, и об этом я буду говорить в последующих главах. Узнать о потенциальных богатствах этой области подземного мира, ощутить желание познать себя из первых рук, захотеть потратить энергию и время, чтобы отыскать путь к этим богатствам, – это всего лишь начало. Ведение дневника на бумаге или в уме – следующий шаг, открывающий нам ценность образов, фраз, чувств и мыслей, рожденных в наших глубинах. Яркий сон требует внимания и записи, иначе он едва ли запомнится, но даже если и запомнится, его подробности вряд ли удастся сохранить. Наше внимание к деталям сна побуждает к размышлению над отдельными аспектами сновидческого материала, а это, в свою очередь, пробуждает в нас все новые и новые воспоминания и ассоциации. Все это может подвигнуть человека, который до этого не был сфокусирован, или был сфокусирован на дискомфорте, или был навязчиво сфокусирован, на вступление в общение с собственной сновидящей психикой. Созерцая, мы входим в медитативное состояние, которое есть не что иное, как открытый, воспринимающий разум и сердце. Это сродни тому, как действует на некоторых из нас уединение, медитация или открытость души в возносимой нами молитве.

На других такое же действие оказывают походы, бег, рыбалка, занятия в саду или шитье.

Как бы вы ни поступили, но если вы услышали идущий изнутри негромкий голос или ощутили внутри точку покоя, вы получили средство доступа к внутреннему миру души. Когда этот мир – незнакомый ландшафт или когда болезнь не позволяет воспользоваться маршрутами, проложенными ранее, можно использовать способы, которые некогда оказались полезными другим людям; другими словами, мы можем учиться у других. Именно так мы действуем, когда хотим оказаться на приеме у конкретного врача, – мы пользуемся рекомендациями, полагаемся на чужой опыт, справляемся о нем в каких-то организациях. Помощь можно искать также посредством консультаций, в группах, участники которых собираются для медитации, учатся духовным практикам, работают со сновидениями и дневниками или проходят курс экспрессивной терапии.

Подземный мир духов

Побочным эффектом болезни, которая таит в себе угрозу жизни, нередко является истончение границы между внешним миром и подземным миром духов. Люди делились со мной переживаниями от ярких, отчетливо запомнившихся им разговоров с персонажами, которых они ясно видели, но при этом знали, что никогда их ранее не встречали. Также мне рассказывали о неожиданно приходящем чувстве спокойствия в связи с присутствием кого-то из умерших, хотя ни их самих, ни даже их голосов эти люди не видели и не слышали. Мне говорили и о телепатической коммуникации с представителями потустороннего мира во время тяжелой болезни.

Менее обычны и более драматичны истории людей, которые, оказавшись на самом краю жизни и смерти, встречались с какими-то загадочными персонажами, сообщавшими им о том, что их время еще не настало. Две разные женщины рассказывали мне, что в тот самый момент, когда их тело перестало реагировать на медикаментозное лечение и началось умирание, каждой из них явилась старая женщина, вне сомнения коренная американка. Ее появление стало событием, изменившим ход болезни. У одной из этих женщин была лихорадка неизвестного генеза, которая в результате этой встречи прекратилась. Другая женщина почувствовала, что диагноз, который ей поставили, неверен. Она приложила значительные усилия, чтобы ей поставили правильный диагноз – болезнь Лайма, после чего ей подобрали соответствующее лечение. Обе женщины поправились, и после этого, каждая по-своему, стали пропагандировать использование альтернативной медицины в рамках общепринятой терапии. В результате тяжелой болезни обе женщины заглянули в глаза смерти и встретились с неординарной реальностью, что стало поворотным пунктом в течении их болезни и вдохновило их на помощь другим людям после выздоровления.

На поминальной службе, посвященной кончине Гари Уолша, известного сан-францисского терапевта, который организовал первый марш с зажженными свечами в поддержку больных СПИДом и дебатировал с Джесси Хелмсом, был показан фильм с его участием. В видеоинтервью, данном им за несколько дней до смерти, он рассказал, что его дважды посещал человек, которого многие участники интервью хорошо знали. Этот человек недавно умер. Несмотря на то, что Гари был физически истощен, он говорил осмысленно, ясно и абсолютно убедительно. Он утверждал, что не спал и не галлюцинировал, когда увидел в своей комнате человека, который сказал, что ему не о чем беспокоиться и что в момент, когда Гари будет умирать, тот будет рядом, чтобы помочь ему совершить переход. Гари засомневался и потребовал в качестве доказательства повторного появления. Спустя пару дней, когда Гари бодрствовал и ум его был ясным, этот человек появился снова. Коротко и быстро он повторил, что будет с Гари в день его ухода, выражая раздражение из-за необходимости наносить повторный визит, поскольку у него «много других дел».

Стадии нисхождения в подземный мир: миф об Инанне

Нисхождение души в подземный мир, которое может ускорить серьезная болезнь, не всегда имеет эффект шока, внезапного и неожиданного похищения или мгновенного разрушения, как это переживает, например, человек, оказавшийся в эпицентре крупнейшего землетрясения. Миф о Персефоне применим именно к таким обстоятельствам, но есть и другой миф, который откликается в опыте людей, чья болезнь и нисхождение происходят шаг за шагом, как следствие постепенной утраты опоры в привычном мире здорового самочувствия. Так бывает, когда человек переживает болезнь, течение которой сопровождается постепенным ухудшением здоровья, либо пребывает в иллюзии, что он все контролирует и тем самым как бы снижает

степень эмоционального воздействия на него серьезного заболевания. Миф, рассказывающий о таком путешествии, корнями уходит в многотысячелетнюю историю, к шумерской богине Инанне².

Инанна была царицей Неба и Земли. Услышав о том, что ее сестра, богиня Эрешкигаль, владычица Подземного царства, болеет и страдает, она приняла решение навестить ее. Инанна ошибалась, когда думала, что сможет исполнить намеченное нисхождение без особого труда. Довольно скоро она поняла, что власть и авторитет, которыми она обладает в наземном мире, в царстве тьмы не имеют никакого значения и не дают ей никаких преимуществ. Инанна властно постучалась в ворота подземного мира, требуя, чтобы ей немедленно отворили. Страж спросил, кто это, а, услышав ответ, сказал, что она сможет пройти, только заплатив за вход. Инанна увидела, что входных врат семь, а вовсе не одни. И у каждого из них страж говорил ей, чем надо заплатить за вход и что нужно снять с себя. Всякий раз Инанна, ошеломленная происходящим, с негодованием вопрошала: «Как же так?» И всякий раз ей отвечали: «Тише, Инанна, пути в подземный мир безупречны. Их не оспаривают».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.